

АКАДЕМИЯ ДЛЯ ВСЕХ

ПРОТОИЕРЕЙ
КОНСТАНТИН КОСТРОМИН

АРХИЕПИСКОП МИХАИЛ
(МУДЬЮГИН) (1912—2000)

МУЗЫКАНТ,
ПОЛИГЛОТ,
ИНЖЕНЕР И
БОГОСЛОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Константин Костромин

Архиепископ Михаил (Мудьюгин)
(1912–2000): музыкант,
полиглот, инженер и богослов

«Издательство СПбДА»

2015

УДК 281.93+929
ББК 86.372.24-36

Костромин К.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин) (1912–2000): музыкант, полиглот, инженер и богослов / К. Костромин — «Издательство СПбПДА», 2015

ISBN 978-5-906627-01-8

Архиепископ Михаил (Михаил Николаевич Мудьюгин; 1912-2000), в прошлом ректор Ленинградской духовной академии и ее многолетний профессор, правящий архиерей Астраханской, а затем Вологодской епархий, активный участник богословских собеседований с представителями лютеранских церквей разных стран, был широко известен как яркий проповедник, искренний христианин, высокообразованный и весьма незаурядный человек. Родившийся до революции 1917 года, он успел побывать в тюремном заключении за исповедание веры, потрудиться в тылу в годы войны, стать музыкантом, инженером, ученым – кандидатом технических наук. В годы хрущевских гонений Михаил Николаевич Мудьюгин нашел в себе силы пойти «против течения»: он бросил успешную светскую карьеру и стал священником. Во второй половине XX века архиепископ Михаил был одним из самых известных архиереев Русской Православной Церкви, сохранявшим широкий круг общения и активность до последних своих дней. Книга кандидата исторических наук, кандидата богословия протоиерея Константина Костромина рекомендуется широкому кругу читателей, интересующихся историей Русской Православной Церкви.

УДК 281.93+929

ББК 86.372.24-36

ISBN 978-5-906627-01-8

© Костромин К., 2015

© Издательство СПбДА, 2015

Содержание

Предисловие	7
Детство и юность	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Протоиерей Константин Костромин
Архиепископ Михаил (Мудьюгин)
(1912-2000). Музыкант,
полиглот, инженер и богослов**

© Издательство Санкт-Петербургской православной духовной академии, 2015

* * *

Предисловие

В XX веке в Русской Православной церкви было немного столь ярких и неординарно мыслящих людей, как архиепископ Михаил (Мудьюгин). Искренность в отношениях с Богом и людьми, разностороннее образование – характерные черты его личности. Владыка Михаил является одним из наиболее известных и выдающихся выпускников Ленинградской духовной академии. Став профессором академии, он отдал родной духовной школе почти сорок лет жизни.

Архиепископ Михаил был широко известен как в нашей стране, так и за ее пределами. Многим из знавших его людей на этих страницах будет предоставлена возможность высказаться, рассказать о его жизни. Уникальной особенностью данной биографической книги является использование неопубликованных личных воспоминаний владыки, в которых он неподражаемым колоритным языком рассказал о своей жизни до конца 1940-х годов.

Владыку Михаила вспоминают достаточно часто. О нем написано несколько десятков статей, зачастую носящих либо общий, либо личный характер. Он и сам вспоминал многое из пережитого в статьях и интервью в последний период своей жизни. Подробная биография замечательного архипастыря в книжном формате выходит первые. Считаю приятным долгом поблагодарить тех, кто советами, уточнениями и исправлениями помог этой книге стать лучше – Юрия Алексеевича Соколова, Михаила Витальевича Шкаровского, протоиерея Александра Ранне, Татьяну Михайловну Бражникову, Дмитрия Владимировича Волужкова, мою маму Валентину Алексеевну. Хочется надеяться, что эта инициатива получит богатое продолжение.

Детство и юность

Будущий архиепископ Михаил, Михаил Николаевич Мудьюгин родился в Санкт-Петербурге 30 апреля (12 мая по новому стилю) 1912 года.

Семья, в которой он родился, по всем признакам может быть отнесена к разряду благополучных. Отец, Николай Алексеевич Мудьюгин, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, служил делопроизводителем Управления по делам Земского Хозяйства (по другим сведениям – в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг). Он уже имел чин статского советника, соответствующего полковничьему, перед революцией был представлен к чину действительного статского советника, что обеспечило бы семье потомственное дворянство. После 1917 года такая биографическая деталь становилась опасной, поэтому то, что он не был произведен в следующий чин, было добрым предзнаменованием. Мать, Вера Николаевна (урожденная Шкарина), была хорошо образована, имела возможность не работать и заниматься домом. Очень религиозная, она отличалась довольно жестким характером, хотя Михаил Мудьюгин очень любил ее и относился к ней с почтением. Вера Николаевна скончалась в 1974 году, немного не дожив до своего столетия.

Михаил был третьим сыном в семье. Двое других – Владимир и Юрий – были значительно старше его, на девять и семь лет. На Михаиле сказалось влияние от общения с обоими, хотя запоминающимися отношения с братьями стали, только когда Михаилу исполнилось тринадцать, то есть примерно с 1925 года. Владимир уже тогда занимался музыкой и учился на инженера, а Юра был связан с актерским мастерством. Семейство Мудьюгиных до революции могло считаться зажиточным – мальчиков воспитывали няни, а семья проживала на 14-й линии Васильевского острова.

Революция сломала жизнь многих семей, в том числе и благополучие семейства Мудьюгиных. Однако никто из ближайших родственников не погиб на полях Первой мировой и Гражданской войн, не сгинул в годы репрессий.

Михаил Мудьюгин, 1917 год.

В памяти архиепископа Михаила сохранились отдельные впечатления от революционных лет. Лето 1917 года семья провела на даче в Тихвине и потому о происходившем знала только из газет, но октябрьский переворот владыка Михаил краем глаза видел. Он вспоминал, «как уже пятилетний стоял на балконе и с интересом следил глазами за двигавшимися внизу грузовиками, увешанными красными полотнищами. Люди на них что-то кричали, а справа со стороны Малого проспекта слышно было тарахтение пулемета. Чьи-то руки сзади меня обхватывают и водворяют в комнату, и я уже осознаю, что происходит что-то необыкновенное, связанное с часто повторяемым словом „революция“». Впоследствии, рассуждая об этом времени, владыка говорил: «Если бы Царское Правительство располагало бы такими средствами массового привлечения интереса и времяпрепровождения, как футбол и хоккей, да плюс еще телевидение, то революция, вероятно, не состоялась бы».

Революционные потрясения изменили в семье Мудьюгиных решительно все. Отец был уволен, семья голодала, как и большинство семей. «Помню, – вспоминал владыка, – как мать делила приходившиеся на всю семью полтора фунта хлеба (четверть фунта – сто граммов на человека). Питались, кроме того, лепешками из жмыхов (так называемая дуранда), из кофейной гущи, к которой подмешивалось немного муки. Высшим лакомством была „болтушка“,

то есть ложка муки, замешанная в кипятке; она стала для моего отца столь привычной, что и в последствии, в лучшие времена, он часто употреблял в пищу это незатейливое блюдо. Несмотря на постоянно ощущаемый голод, старшие члены семьи неуклонно посещали ближайшую церковь. Помню, как были с бабусей у пасхальной заутрени. Какая-то знакомая и изможденная от голода женщина плачущим голосом говорила бабусе: „Какой же это праздник, когда на стол поставить нечего?“ Вспоминаю ответ бабуси: „Даже если мы умрем от голодухи, все же Христос воскрес!“».

Ближайшей церковью стала церковь Скоропослушницы на Песках (Николо-Барградский храм), так как осенью 1917 года семья потеряла служебную квартиру и вынуждена была переселиться к бабушке – маминой маме – в дом на углу 2-й Рождественской (впоследствии – Советской) и Дегтярной улиц (2-я Рождественская, д. 27, кв. 45). С этого времени началось становление в вере будущего архиепископа, поскольку едва ли не главную роль стала играть бабушка.

Владыка вспоминал ее так: «Жизнь определялась в основном благотворным воздействием моей бабуси. Вера Александровна была женщиной твердых в религиозной сфере православных взглядов, а в политической – монархических, но над всем в ее мыслях, словах и делах царила любовь, готовность сделать все, чтобы окружающие чувствовали себя свободно, спокойно, а прежде всего, чтобы у них была радость в душе». Именно ей принадлежала честь настоящего воцерковления любимого младшего внука Михаила.

«На первых порах нашей совместной жизни именно она чаще всех водила меня в церковь. Именно она руководила моим чтением, которое началось с пяти лет и было очень разнообразным и, как правило, по своей сложности превосходило все, что держат перед глазами дитя моего возраста. Уже в шесть лет из бабусиной обширной библиотеки в мой маленький шкаф перекочевали сугубо военные сочинения известного во всех военных школах Михайловского-Данилевского, творения св. Иоанна Златоустого, жития святых в изложении св. Димитрия Ростовского; их я читал на славянском языке, пользуясь громадными тяжелыми фолиантами, каждый из которых включал жития наиболее известных святых за целый квартал церковного календаря. Уже тогда, хотя мне было еще пять лет, я начал совершать „богослужения“, причем отнюдь не считал это детской игрой, то есть относился к ним вполне серьезно, в отличие от взрослых, которые смотрели на это увлечение или с сочувственной улыбкой, как мама и бабуся, или со снисходительной усмешкой, как папа и братья. Посередине детского столика раскладывался шерстяной платок, связанный под руководством бабуси, в моем представлении это был антиминс. Ставилось небольшое картонное распятие, и начиналась служба. Перед этим распятием я прочитывал и пел богослужебные последования утрени, вечерни, разнообразные акафисты и молебствия; все это конечно имело элемент детской игры, но поскольку сопровождалось искренней верой и совершалось всерьез, я не могу вспоминать об этом иначе, чем как о беседе детской души с Богом».

Голодный 1919 год семья провела в разъездах, в надежде пережить эти трудные годы, то в Рязани, то в Спаске. Здесь продолжилось церковное становление Михаила Мудьюгина. С этого времени на развитие религиозного чувства и мировоззрения значительное влияние стала оказывать мама. По мнению владыки Михаила, «она всю свою жизнь так прилеплялась к Церкви (не могу подыскать другого, более подходящего слова кроме этого „прилепляться“, позаимствовав оное из псалма), что, в частности в спасском окружении, почти все мои воспоминания о ней так или иначе связаны с храмом. Помню, как мама брала меня, тогда семилетнего, в находившийся в центре городка собор. Уже тогда у меня начал вырабатываться навык выстаивания без особой усталости многочасовых церковных служб».

Известно, что основа будущего мировоззрения закладывается в детстве. Несмотря на то, что путь к получению сана у Михаила Мудьюгина оказался долгим и тернистым, фундамент – желание стать священником и монахом – появились у будущего архиепископа в раннем детстве.

Вот его воспоминания об этом: «Если в Петрограде мои богослужения совершались в столовой комнате, где, кстати, ночевала со мной бабуся, то здесь, в Волчатке, она была вынесена на свежий воздух. Забрав привезенные из Петрограда богослужебные книжки, я отправлялся в глубь прилегавшей к нашему дому лиственной роще. Там, выбрав подходящий пенек, я превращал его в аналой (если точнее, то аналогий) и, положив нужную книгу, часослов или псалтырь, с упоением „правил службу“, вечернюю или утреню, а то и целиком „всеношное бдение“, не говоря уже о немногих имевшихся в моем распоряжении акафистах. Оглашая лесок песнопениями, я, естественно, воображал себя монахом-отшельником, учеником великих подвижников, известных мне еще с Петроградских времен по бабусиным Житиям Святых.

Однако вскоре мои уходы в пустынножительство оборвались самым неожиданным образом. Однажды, совершая очередное богослужебное последование, я оглянулся и застыл в изумлении: за моей спиной, под березами и кленами расположились многочисленные тетушки и девицы с ведрами и бидонами, не только взиравшие на молящегося мальчишку, но, по-видимому, слушавшие молитвенное пение. Соблюдалась тишина столь глубокая, что я, приободрившись, снова принялся за свое „молитвенное делание“.

Завершив его, я сложил книжки и вернулся домой. Там изумлению моему, казалось, не будет предела. Оказалось, подоив коров и возвращаясь с пастбища, хозяйки зашли в ближайший дом (а это была именно усадьба Измайловых) и оставили для „богомольного парнишки“ изрядное количество молока, заполнив всю наличную посуду.

Мне было трудно понять, почему мама тогда запретила мне пустынножествовать. Позднее я узнал, что... некий Александр Константинович стал в разговорах глумиться над мамой, выставляя проявление детской религиозности как якобы... способ изыскания дополнительного источника продовольствия. С тех пор приходилось ограничиваться четырьмя стенами».

Вера Николаевна Мудьюгина.

После возвращения в Петроград семейство Мудьюгиных начало устраивать свою жизнь в соответствии с новыми, советскими реалиями. Взаимоотношения между родителями стали натянутыми. Отец работал в Смольном бухгалтером, с 1922 года – управляющим делами Губернской комиссии помощи голодающим, и пытался быть советским человеком, убежденным коммунистом и врагом веры. Перемена в нем произошла за два года до смерти, в 1936 году когда его неожиданно арестовали и пытались в течение кратковременного следствия заставить стать осведомителем ОГПУ. Николай Алексеевич отказался, однако его здоровье было сломлено, а мировоззрение подверглось резкому изменению – его суровость с домашними уступила место ласке и вниманию, он вернулся к вере, начал исповедоваться и причащаться, что восстановило в семье полный мир.

Мать, Вера Николаевна, напротив, все эти годы занимала активную церковную позицию. Недавно стало известно, что она входила в новосозданное Александро-Невское братство, целью которого было не допустить закрытия Лавры. Поводом к его созданию стал декрет об отделении Церкви от государства. Вера Николаевна, вступившая в братство в 1919 году, особенно деятельно проявила себя в дни ареста Петроградского митрополита Вениамина и других обвиняемых по делу об изъятии церковных ценностей. Она не только носила передачи в тюрьму, но и следила за исполнением властями закона, постоянно узнавая у прокурора и следователей о ходе следствия. 15 июля 1922 года она вместе с некоторыми другими активными братчиками была арестована ГПУ, однако 21 августа уже была освобождена, а 14 сентября дело в отношении ее было прекращено. Видимо, участие Веры Николаевны в делах Александро-Невского братства позволило в 1921 году отдать Михаила в воскресную школу при Александро-Невской Лавре, куда он ходил около двух лет. Знакомство мамы с руководителем этой школы архимандритом Николаем (Ярушевичем) позднее поможет Михаилу Николаевичу Мудьюгину с рукоположением в священный сан. Отца Николая в те годы он видел и сам.

Вера Николаевна Мудьюгина.

Наиболее близкими стали отношения Михаила с братом Владимиром или, как его звали дома, Влади. Бабушка и Владимир занимались с ним уроками, так как до пятого класса Михаил проходил школьную программу дома. Впоследствии владыка вспоминал, как после этих уроков его, еще маленького мальчика, отправляли на рынок за продуктами: это «послушание» было «достаточно сложным, особенно в период становления НЭПа, а когда курс рубля в переводе на советские „дензнаки“ каждый день возрастал, на руках были именно исчисляемые в миллионах дензнаки, цены же проставлялись в твердой валюте и указ показывал действительный только на сегодня аншлаг: „Сегодня один рубль стоит (примерно) 520 000 рублей – дензнаками“. И вот, покупателям приходилось производить сложные вычисления, переведя суммарную стоимость затребуемых товаров из „золотого“ исчисления в дензнаки. Позже я осознал пользу таких ежедневных упражнений в „устном счете“, но тогда приходилось тяжело, особенно под постоянной угрозой маминого гнева за малейшую неточность, тем более (упаси Боже!) недосдачу».

Сильное переживание присутствия Божия, которое он однажды испытал, стало лейтмотивом всей дальнейшей жизни. «Однажды, в отсутствии мамы, я убирал ее комнату. Хотя, я склонен думать, читатель получил устойчивое представление обо мне как о ребенке, чьи

любимые занятия были достаточно серьезны, однако мне хочется его заверить, что все же я оставался не более чем ребенком, и, надеюсь, его не удивит, что я отвлекся от скучного занятия, чтобы поиграть висящим на двери замком, который я открывал торчащим из замочной скважины ключом, затем защелкивал и открывал простым нажатием на головку ключа. Мое увлекательное занятие кончилось тем, что после очередного защелкивания замок перестал поддаваться воздействию ключа. Я вертел ключ и в одну, и в другую сторону, стучал замком по двери, даже плевал в скважину, полагая, что „ключ заедает“. Все усилия оказывались тщетными: замок не открывался. Перед моим мысленным взором со всей отчетливостью возникло мамино лицо, чьи тонкие, обострившиеся постом и бдениями черты складывались в гневную гримасу, обрамлявшую сверкающие гневом глаза. Это „видение“ побуждало меня опять и опять возобновлять попытки, но все было напрасно: замок не открывался. Наконец я оставил замок в покое и побежал к моему „молитвенному углу“, где стал на колени и с плачем стал просить Бога мне помочь. Не помню, долго ли я молился, но когда я снова взял в руки злополучный замок, простого нажатия на ключ оказалось достаточным, чтобы душка замка отскочила... замок был открыт! Это было чудо, во всяком случае, именно так его пережил и так с полной уверенностью вспоминаю его теперь, спустя семьдесят пять лет. Мне трудно передать охвативший меня восторг. Поистине ощутил Бога. До того я о Нем читал, слышал, более или менее осмысленно произносил молитвы, но все это было еще не то, а вот теперь... Он дал о Себе знать, Он здесь и рядом: я позвал, я попросил, Он услышал и помог».

Николо-Барградский храм.

Михаил регулярно посещал храм Николая Чудотворца, который также называли Барградским подворьем или храмом Скоропослушницы в честь почитаемой иконы, имевшейся в храме. Он начал в нем пономарить, а затем читать примерно с восьми-девяти летнего возраста. «Очень скоро меня стали отпускать в нее без сопровождения взрослых. Помню, как эта возможность была предметом серьезного обсуждения между мамой и бабусей, закончившегося указанием мне, чтобы, прежде чем ступить с тротуара на мостовую, я попросил бы кого-либо из прохожих взять меня за руку и перевести через проезжую часть площади до входа в церковь. Я попытался раз добросовестно выполнить это указание, но женщина, к которой я

обратился, даже не смогла понять, чего я от нее хочу. „Да вот же церковь-то, здесь два шага. Перейди улицу, да входи, кто тебе мешает?“ Переход самостоятельно совершался мною впервые в жизни, и, благополучно завершив его, я с удовольствием убедился, что опасения моих домашних были явно преувеличены» – вспоминал архиепископ. В литературе часто встречается упоминание о том, что здесь в 1920 году Михаил Мудьюгин был посвящен в стихарь митрополитом Вениамином (Казанским), будущим священномучеником. В пользу правдивости этой легенды служит личное близкое знакомство Веры Николаевны Мудьюгиной с митрополитом Вениамином. В воспоминаниях владыки об этом не сказано ни слова. Поскольку твердых доказательств этому факту нет, можно считать сведения об этой встрече с замечательным петроградским архипастырем благочестивым преданием, пока не будет получено документального его подтверждения или опровержения. Такие благочестивые предания, как это часто бывает, встречаются в жизнеописаниях архиепископа Михаила, написанных ранее.

Благовещенский храм Старо-Афонского подворья.

В этом же храме у Михаила Мудьюгина появился первый духовник – отец Гавриил, «молодой сирийский араб», впоследствии нашедший возможность уехать из России на родину и ставший митрополитом Лаодикийским. С ним связан один из эпизодов, часто вспоминавшийся владыкой Михаилом в разговорах с близкими людьми и также записанный им в воспоминаниях: «Отец Гавриил совершал будничную литургию... Я стоял на коленях и рассеянно играл с позументом своего стихаря. Вдруг отец Гавриил на мгновение замолчал, а затем я услышал: „Сейчас здесь Ангелы! А ты чем занимаешься?“». Впоследствии их едва снова не свела судьба – владыка Михаил в 1967 году ездил в Сирию, но митрополит Гавриил скончался за несколько недель до приезда ректора Ленинградской духовной академии, которым в то время был епископ Михаил.

С момента активизации обновленческого движения в Церкви – Великим Постом 1922 года в церковной жизни семьи Мудьюгиных стали происходить перемены, также сказавшиеся

на формирование взглядов будущего архипастыря. Однажды Вера Николаевна, по сведениям которой клир храма Скоропослушницы вошел в контакт с лидерами обновленчества, запретила Михаилу посещать этот храм. Теперь они ходили на подворье Русского Свято-Андреевского монастыря на Афоне, что до сих пор, хотя и в изуродованном виде, стоит на углу Дегтярной и 5-й Советской (тогда еще Рождественской) улицы. В храме поминали вселенского Патриарха Мелетия (Метаксакиса); монахи, приехавшие с Афона, жили замкнутой монашеской жизнью, что произвело на Михаила большое впечатление. Мальчик почти каждый день пономарил и читал на клиросе, и бывал счастлив, когда ему доверяли чтение Апостола. «Все это было радостно и светло, – вспоминал владыка. – И в мечтах я уже видел себя облаченным в рясу монахом, радостно совершающим подвиги аскетической жизни».

Осенью 1924 года на семейном совете было принято решение отдать Михаила в советскую школу. Были взяты два репетитора, чтобы подготовить мальчика в школу. Первоначальной идеей Веры Николаевны было отдать его в сильную Анненшуле, где обучение проходило на немецком языке, однако в последний момент под нажимом отца передумали и Михаила отдали в ближайшую к дому 106 «Советскую единую трудовую школу», бывшую Гимназию № 7, в шестой класс.

Отношения в классе были непростыми. Если часть преподавателей работала в школе с дореволюционных времен, то школьники были в основном пролетарского происхождения.

И если раньше столкновения с мальчишками во дворе иногда заканчивались немотивированным, даже молчаливым битьем, которое Михаил скрывал от родителей, то теперь оно вылилось в простое, но не безобидное хулиганство, которое впоследствии владыка вспоминал, как, может, не самую приятную, но любопытную деталь своей биографии. Так, одним из «товарищеских развлечений, не доставлявших мне ни малейшего удовольствия, – с юмором вспоминал архиепископ, – было перемещение моего тела в горизонтальном положении. Ребята хватали меня, одни за плечи, другие за ноги, подносили к дверям и после некоторого раскачивания пытались ударом открыть классную дверь. Ударным орудием при этом служила моя голова, каким-то чудом не подвергавшаяся при этом ни образованию трещин, ни даже сотрясению своего содержимого».

К концу первого года обучения отношения в школе наладились, а Михаил стал даже помогать одноклассникам учить уроки. Более того, его авторитет вырос настолько, что в начале 1927 года он был избран в «исполбюро класса», а осенью стал председателем ШУСа – Школьного ученического совета. Это давало право принимать участие в заседаниях педсовета с правом решающего голоса, чем Михаил активно пользовался, «призывая к принятию самых строгих мер по отношению к хулиганствующим ученикам всех классов второй ступени школы». Уже и здесь будущему архиепископу удалось выступать в защиту веры, вероятно, впервые в жизни. «Мало того, „парламентская деятельность“ не ограничивалась стенами школы: один раз в год проходила в одной из школ районная конференция, в которой принимали участие все ШУСы района в полном составе... Хорошо помню, как на одной из таких конференций я выступал, призывая к отказу от навязывания школьникам антирелигиозной доктрины и призывая к веротерпимости». За церковной политикой будущий архиепископ тогда не следил. Как он рассказал в последний день своей земной жизни историку С.Л. Фирсову: «Я больше увлекался музыкой. В церковь я, разумеется, ходил, но внутрицерковными событиями интересовался недостаточно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.